

бразной «массы» социальных процессов, в результате чего государственность не уничтожается, а отступает на уровень стабильных властных отношений в группах, кланах, социальных фрагментах. Социум, даже при мощном кризисе не разрушается, а отступает на уровень проверенных миллионами лет форм общежития.

Таким образом, вполне возможно, по представлениям авторов, что живучесть социума коренится не в абстрактной «совокупной живучести людей», а в самой природе исторического времени.

Литература

1. Гузенина С.В. Специфика адаптации на чужбине: опыт междисциплинарного анализа // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 84. №4. С. 202-206.
2. Гузенина С.В., Фёдоров И.А. Феномен классической богемы как предмет изучения социологии духовной жизни // Научное обозрение. 2009. №3. С. 92 – 99.

3. Краснова Л.В. Социальная кластеризация как поле групповой сопричастности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные Науки. 2006. Т. 43. № 3-1. С. 229-234.

4. Фёдоров И.А., Запорожченко О.А. Противоречия социологического измерения циклов исторического времени // Век глобализации. 2012. №1. С. 68 – 83.

5. Фёдоров И.А., Запорожченко О.А. Теория М. Шульмана и современность: гипотеза расширяющегося пространства – времени // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 104. № 12-2. С. 748-750.

6. Фёдоров И.А., Запорожченко О.А. Хронос и Стоя // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 104. № 12-2. С. 769-771.

7. Федоров И.А., Запорожченко О.А. Хронотоп «современности» // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Социологические науки. 2011. Том 2. С. 110-116.

О.В. Головашина

O.V. Golovashina

Модель времени в традиционной культуре

The model of time in the traditional culture

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательской работы в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы (тема “Исследование места и значения исторической памяти в процессе модернизационных преобразований”, соглашение № 14.V37.21.0689; тема “Традиция и утопия: темпоральные характеристики процесса модернизации”, соглашение № 14.V37.21.0705).

Аннотация, abstract: В статье рассматриваются особенности темпоральных представлений в традиционном обществе. Проанализированы некоторые эвристические аспекты метафоры и модели в научном познании и особенности определения времени. Доказывается, что в традиционной культуре темпоральные представления определяются спиральной моделью времени, главной характеристикой которой является цикличность.

This article discusses features of temporal concepts in traditional society. Analyzed some of the heuristic metaphors and models in scientific knowledge and also features the definition of the time. In the traditional culture temporal representations are determined by the model of a spiral time. Main characteristic of the model is cyclical.

Автор, author: Головашина О.В. – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук,

старший преподаватель кафедры философии, golovachina-ov@rambler.ru

Golovashina, O.V. – Tambov State University, Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, golovachinaov@rambler.ru

Ключевые слова, keywords: модель, метафора, время, традиция, традиционная культура
model, metaphor, time, tradition, traditional culture

УДК 101.1:316

Проблема моделирования напрямую связана с местом метафор в научном познании. Начиная с Аристотеля, метафора рассматривалась исследователями исключительно как феномен языка, фигура речи. Однако уже в конце XIX века метафора выходит за рамки лингвистики, а в дальнейшем становится важной составляющей философии языка, герменевтики, когнитивистики. Сейчас метафора – это не

только троп, элемент речи, но и репрезентация познавательных возможностей человека и науки в целом.

Несмотря на то, что, в связи с «лингвистическим поворотом» в гуманитарных науках, метафоры исследуются не только филологами, но и философами, эвристические возможности этого феномена требуют дальнейшего изучения. За пределами внимания остается и взаимосвязь метафоры и моделирования. «Метафора – это фигура речи; модель – это нелингвистическая аналогия, связывающая объект или положение вещей с некоторыми другими объектами или положениями дел.

Отношение между метафорой и моделью можно прояснить на таком примере: если мы используем образ жидкости для объяснения предполагаемого действия электрической энергии, то мы говорим, что жидкость функционирует как модель для нашего представления о природе электричества. Если, однако, мы затем говорим об «оценке потока» или об «электрическом токе», то мы используем метафору, основанную на модели жидкости. ...Модель порождает множество метафорических терминов (поток, количество электричества, конденсатор, сопротивление и т.д.), которые мы используем при формулировании теории электричества; при этом понятно, что отсутствует намерение точь-в-точь сравнивать жидкость и электрическую энергию»¹. Однако мыслить мы больше словами, чем образами, поэтому разделение метафоры как фигуры речи и модели как нелингвистической аналогии не оправданно и вызвано слабым распространением методов моделирования в среде философов.

Модель времени в традиционной культуре мы будем рассматривать исходя из вышеперечисленных замечаний.

Категория времени относится к числу основных онтологических характеристик. Как

1 Martin J., Harre R. Metaphor in Science // Metaphor: Problems and Perspectives. Brighton, 1982. P. 89.

замечал М. Блок, «время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты ...»² Осмысление социального времени в контексте модернизационных преобразований позволяет выйти на более высокий уровень абстрагирования и придти к фундаментальным методологическим выводам и практическим рекомендациям.

Как правило, время определяется через понятия «движение», «изменение», «последовательность», «длительность», «вечность» и т.п., которые сами иначе, чем через понятие времени, определены быть не могут. Отсюда и существовавшее убеждение об априорном характере темпоральных представлений (Например, у Канта). Неудивительно, что четкого понятия времени не существует до сих пор, несмотря на постоянный интерес к этой теме. И современные исследователи вынуждены согласиться с Августином: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»³.

Представляется, что трудности определения времени, осмысления данного феномена связаны с тем, что время, как и пространство, относится к первичным, базовым категориям, на основе которых происходит осмысление всех остальных явлений и сфер действительности. Дать определение времени возможно только в том случае, если за фундамент принять другие категории, но такой подход будет не соответствовать действительности, какую бы философскую парадигму мы не взяли за основание. Однако игнорирование роли и значения темпоральных аспектов в социальных процессах невозможно.

Время как фундаментальная онтологическая категория меняется в зависимости от изме-

2 Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С. 19.

3 Августин Аврелий. Исповедь // Философия URL: <http://www.philosophy.ru/library/august/01/11.html> (Дата обращения 22.07.2012)

нения характера бытия. Для современного человека время ассоциируется с необратимостью, движением, и если рассматривать время только в таком контексте, то в традиционной культуре времени нет. Под традиционной культурой мы понимаем культуру, в которой доминирующее влияние имеет традиция. Нетрудно заметить, что понятие «традиционная культура» тоже является своеобразной моделью. Традицией определялся образ жизни в и первобытном обществе, и в доиндустриальной Европе, и у крестьян XIX века, и у жителей некоторых районов современного Востока. При даже беглом сопоставлении обнаруживается, что между вышеперечисленными сообществами гораздо больше различного, чем общего. Однако именно традиция, как фундамент культуры, определила онтологические категории, в том числе, и время.

Перед исследователем прежних эпох или культур всегда стоит проблема интерпретации. Возникает опасность перенести представления и мыслительные конструкции современного человека на феномены прошлого. Некоторые исследователи, например, Ф. Боас, К. Леви-Стросс считают, что принципы работы человеческого разума не меняются со временем и носят постоянный характер⁴, однако большинство авторов не соглашались с данным утверждением. Особенно это характерно для советских исследователей, придерживающихся материалистических взглядов: «Способны ли мы понять прошлое, не навязывая ему своего видения, диктуемого нашей собственной средой и эпохой? По-видимому, на этот вопрос приходится дать отрицательный ответ»⁵. Какой бы парадигмы мы не придерживались, напрямую проникнуть в мозг представителей традиционной культуры мы

4 Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1926. С. 68; Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 164

5 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 15.

не можем и не могли, поэтому единственный способ рассмотреть ментальные конструкции – это исследовать продукты деятельности человека. А они свидетельствуют, прежде всего, об эволюции онтологических категорий. Если определенное представление о времени, пространстве, человеке, мире и т.д. свойственно представителем любой эпохи, то сами эти категории меняются, эволюционируют в ответ на изменение общества и сами, в свою очередь, определяют эти изменения.

Социальное время является способом организации и синхронизации деятельности, а так же одним из факторов определения идентификации. Именно трансформация модели времени определила переход от традиционного общества к индустриальному, а затем к постиндустриальному. Согласно Дж. Г. Миду, общество возможно именно потому, что люди способны устанавливать между собой общность временных перспектив. Под перспективой он понимает восприятие в одном событии всех остальных. Еще Э. Дюркгейм писал о том, что категория времени отображает ритмы коллективной деятельности той или иной социальной группы. В архаичной культуре не было крупных сообществ, таких как нация, поэтому, исходя из концепции социального времени, мы можем говорить о локализации темпоральных представлений. То есть, у каждого племени было свое время. Странник направляется в далекие страны, а через несколько лет возвращается домой. Но он видит, что дом разрушен, его дети стали стариками – эта или подобные ей истории часто встречаются в мифологии. У древних индусов считается, что человек, вернувшийся из путешествия, заново родился.

Доминирование традиции приводит к акцентированию прошлого, «вечному возвращению», следовательно, к цикличности. Жизнь древнего человека характеризовалась повторениями архетипных актов и непрерывной репетицией одних и тех же изна-

чальных мифов⁶. Однако это «вечное настоящее» (М. Элиаде) оборачивалось жизнью в прошлом.

Несмотря на стремление использовать Хаос как модель современного общества, хаос был всегда. И в архаичной культуре он находился гораздо ближе к человеку, мог больше влиять на его жизнь, чем в современном мире. Конечно, греческие философы увидели в хаосе космос, что и стало началом западной рациональной цивилизации, однако обыденное восприятие не могло видеть упорядоченность. Обращение в прошлое было наиболее простым способом структуализации мира и необходимым для выживания социума условием. Именно это постоянное обращение к прошлому и называется традицией. «Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нем ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его «вневременности». Здесь нет ясного различия между прошедшим и настоящим, ибо прошлое вновь и вновь возрождается и возвращается, делаясь реальным содержанием настоящего»⁷.

Потом, когда традиционное общество начнет разрушаться, городские интеллектуалы будут осмысливать роль и значение традиции. Традиция в широком смысле этого слова – это проблема или процесс связи настоящего с прошлым⁸. «Наши предки не были глупцами», – писал основоположник консерватизма Э. Берк, подчеркивая таким образом, что опыт предыдущих поколений значит больше, чем рациональные выводы современников. Однако смысл консерватизма Нового времени такой же, как и традиционности архаичных обществ: обращение к прошлому для противопоставления его хаосу настоящего.

6 Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб., 1998. С. 86.

7 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 87.

8 Шацкий Е. Утопия и традиция М., 1990. С. 74.

Платон рассуждал о структурированном обществе в период краха привычной ему полисной культуры, один из главных основоположников традиционализма Ж. де Местр жил в хаосе погибающего феодализма. Огромный массив литературы, посвященный консерватизму, пытается осмыслить то, что в традиционном обществе не требовало осмысления, так как являлось фундаментальной основой жизнедеятельности. Традиционализм как теория призывает вернуться к миру, продолжавшему существовать за пределами города или Европы. Сейчас, когда линейность и структурированность индустриального мира уходит, Ж. Бодрийяр, М. Мафессоли, говорят о «ренессансе» традиционной, архаической культуры⁹. Традиционализм актуализируется в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, цивилизационных сломов, проявляясь в стремлении к восстановлению и усилению нормативности, в спонтанно проявляющихся традиционных технологиях выживания личности»¹⁰.

В современной России говорят о необходимости возрождения национальных традиций, потому что нет потенциала в будущем, и мы снова возвращаемся к прошлому, чтобы найти там желаемую стабильность. Это не столько сознательная политика памяти, сколько засевшие в бессознательном привычные поколениям механизмы решения проблем. «Сравнение современного российского общества с феодальным становится все более популярным. Настолько своеобразна российская действительность, что подобные аналогии приходят в голову сами собой. Будь то система чиновничьих «кормлений»,

9 Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000; Мафессоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. Общество и сферы смысла. М., 1991.

10 Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gavr/ (Дата обращения 22.07.12)

сверху донизу пронизавшая всю властную вертикаль, или практика раздачи хлебных мест по наследству»¹¹. В.Г. Федотова подчеркивает, что в современных условиях традиция остается одним из важнейших, хотя и не универсальных средств регуляции человеческой деятельности, по крайней мере, в сфере духовного производства¹².

Механизмом обращения к прошлому является ритуал. Он призван синхронизировать время индивидов с социальным временем и обеспечить таким образом единство общины, племени. Новое поколение проходит через те же ритуалы, что и их родители, причем вопрос выбора, в привычном современном людям понимании этого слова, не стоит. «В ритуалах каждый раз проигрывалась ситуация мифического прошлого и через структуру прошлого воспринималось настоящее и будущее»¹³. Таким образом формировалась, а затем и закреплялась циклическая модель времени традиционной культуры.

Репрезентативным источником по темпоральным представлениям в архаичной культуре является миф. Мы сейчас не будем касаться сущности мифа, осмыслению которой посвящено много трудов в области культурологии, этнографии, философии. Нас интересует только, как влиял миф на архаичное сознание. Конечно, как и в большинстве культур, образ пространства является доминирующим в картине мира, однако мифологическое время тоже имеет определенную специфику. За несколько часов по земному времени шаман успевает пережить столько, сколько невозможно уместить в рамки целой жизни. Время в мифе, как и в традиционной культуре,

11 Рябов А. Новый русский феодализм // Газета.ру. URL: <http://www.gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml> (Дата обращения 22.07.12).

12 Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Под ред. В.Г. Федотовой. М., 2002.

13 Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 158.

не является чем-то цельным, а выступает как конгломерат локальных времен, так же как мы не можем говорить о существовании единого архаичного общества. «Первобытное мышление не «чувствует» следующие друг за другом отрезки времени как однородные. Некоторые периоды дня и ночи, лунного месяца, года и т.д. имеют свойство оказывать благодетельное или губительное влияние»¹⁴. Миф всегда обращен в прошлое. Однако это не прошлое консервативных апологетов традиции, а далекое мифологическое прошлое. В традиционной культуре, сосуществовавшей с индустриальной и постиндустриальной цивилизацией и испытывавшей соответствующее влияние, мифологическое время отражается в привычном нам сказочных «давным давно». Мифологическое время находится как бы во времени, когда не было времени, но это время и является целью, залогом желаемой стабильности. Поэтому мифическое время выступало не только как прошлое, но и настоящее и будущее, обратимость и необратимость, синхронность и даихронность¹⁵.

Однако любая традиционная культура (в данном случае не важно, говорим ли мы о дописьменных архаичных племенах или доиндустриальном российском обществе) предполагала возможность интерпретации. В циклическом возвращении к прошлому заложен, пусть и небольшой, но потенциал развития. Прошлое могло переосмысливаться в соответствии с медленно, но меняющимся настоящим. Постепенное преодоление отживших традиций (а они, безусловно, были, но сложно сейчас что-то о них сказать из-за отсутствия достаточного количества репрезентативных источников) осуществлялось своеобразным способом: «... новое подается как восстановление подлинной искаженной былой старины»¹⁶.

14 Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 41.

15 Леви-Стросс К. Структура мифов. С. 154.

16 Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. С. 138.

Поэтому мы должны говорить не о циклической, а о спиральной модели времени в традиционном обществе. Циклическое время было характерно для древних архаичных культур, однако вмешательство первых цивилизаций, а затем городской культуры Нового времени и метрополий для цивилизаций Востока и Африки, привело к трансформации циклической модели в спиральную.

Символическое воплощение этой модели можно проследить по традиционным орнаментам. Интересно, что даже далекие от исследования темпоральности ученые, тем не менее, связывают спиральный орнамент с идеей времени: «Главной идеей энеолитического спирально-солнечного орнамента с его ритмичным многократным повторением бега нескольких солнц, с его мастерским показом непрерывности этого бега я считаю идею Времени»¹⁷. Причем исследователи убедительно доказали, что круг в традиционных орнаментах предшествовал спирали: «Тщательное исследование многочисленного материала, полученного за последние годы, дало возможность установить, что круговой узор как самостоятельный вид орнамента появляется на керамике бассейна Хуанхэ задолго до начала спиральных изображений в северо-западных провинциях»¹⁸. Если круг как модель времени вообще отрицает какую-либо возможность развития, то спираль предполагает определенный эволюционный потенциал, то есть является более развитой моделью темпоральности.

Для религиозной картины мира характерна трансформация темпоральных представлений. М.Д. Ахундов видит в религии стремление выхода из времени, мечту о вечности¹⁹:
17 Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА № 1 – 2. М.: Наука, 1965.
18 Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1978. С. 188.
19 Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982. С. 65.

« Как и в мифе, так и в религии, время течет оттуда, куда стремиться человек и мир. В мифологии центром притяжения является прошлое, и оттуда течет время, но так как мифологическое время циклично, то мир уносится в желаемое прошлое... В религии центр притяжения – будущее, и оттуда течет время, но так как христианское время линейно, то грядущее спасение связано с истощением будущего»²⁰. Сама по себе христианская концепция с актом творения, пришествием Христа и Страшным судом определила появление линейного времени. Однако о доминировании этой модели мы можем говорить только в Новое время и применительно только к городской индустриальной культуре. Несмотря на религиозность средневековой Европы и большую роль религии в селах, модель времени там оставалась спиральной: «Настоящее время в сознании людей христианского средневековья не столько чревато будущим, сколько отягощено прошлым»²¹. Причина этого крылась в образе жизни населения. Сама природа навязывает человеческому сознанию циклическую идею времени: смена времен года, ночи и дня, хозяйственные циклы и так далее. «В природе нет развития, - во всяком случае, оно скрыто от взора людей этого общества. Они видят в природе лишь регулярное повторение, не в состоянии преодолеть тиранию ее ритмического кругового движения, и это вечное возвращение не могло не стать в центре духовной жизни в древности и в средние века. Не изменение, а повторение являлось определяющим моментом их сознания и поведения. Единичное, никогда прежде не случавшееся не имело для них самостоятельной ценности, - подлинную реальность могли получить лишь акты, освященные традицией, регулярно повторяющиеся. Архаическое общество отрицало индивидуальность и новаторское поведение. Нормой и даже доблестью было вести»²⁰ Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. С.131.
²¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 108.

себя, как все, как поступали люди испокон веков. Только такое традиционное поведение имело моральную силу. Поэтому жизнь человека в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими»²². Религия в традиционном обществе стала органичной частью прежних мифологических представлений, а не заняла доминирующее положение, а религиозные праздники, воплощая хозяйственные циклы, акцентировали цикличность народной культуры. Пасха воспринималась как начало весны, а не напоминание о грядущем в далеком будущем спасении. «Крестынин воспринимал время движущимся по кругу, циклическим и соответственно этому представлял, что все в мире повторяется, а не изменяется. Отклонение от нормального, т.е. повторяющегося, хода вещей казалось ему чем-то исключительным, делом рук нечистой силы, результатом козней колдунов и потому временным и преходящим: „Обовется, оботрется – все по-старому пойдет”»²³.

Таким образом, моделью времени в традиционной культуре является спираль. Циклическость мирозерцания, которая явилась следствием образа жизни и стремления сохранить стабильность общества, допускала возможность медленной эволюции из-за интерпретации прошлого в соответствии с потребностями настоящего.

Литература

1. Martin J., Harre R. Metaphor in Science // Metaphor: Problems and Perspectives. Brighton, 1982.
2. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
- 22 Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 76.
- 23 Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 329.

3. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004 // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/gavr/ (Дата обращения 22.07.12).
4. Головашина О.В. Историческая память в массовом сознании австрийских немцев // Актуальные проблемы вузовской науки: теоретические и практические аспекты. Тамбов, 2009. С. 31-38.
5. Головашина О.В. Историческая память и модернизация в России // XVII Державинские чтения. Академия гуманитарного и социального образования. Тамбов, 2012. С. 351-357.
6. Головашина О.В. Либерализм и модернизация в России // Materiály VIII mezinárodní vědecko - praktická conference «Dny vědy - 2012». - Díl 52. Filosofie: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o S. 35-38.
7. Головашина О.В. Модернизация – незавершенный проект или традиционная ментальность в современной России // Ineternum. 2011. №2. С. 56-62.
8. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.
9. Жуков Д.С., Лямин С.К. Институциональная модернизация: генезис представлений и теоретический контекст // Ineternum. 2011. №2. С. 39-55.
10. Жуков Д.С., Лямин С.К. Научный прогноз как элемент футурорефлексии // Ineternum. 2010. №1. С. 5 - 7.
11. Жуков Д.С., Лямин С.К. От каменного топора к Всемирной паутине: прошлое, настоящее и будущее информократии // Ineternum. 2010. №1. С. 47 - 56.
12. Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков

- творчества: (Первобытное искусство). Новосибирск, 1978.
13. Лямин С.К. Диалектические оценки категорий «прошлое», «настоящее» и «будущее»: к вопросу о предназначении футурологии // Ineternum. 2011. №1. С. 5 – 8.
14. Мафессоли М. Околдованность мира или божественное социальное // Социо-логос. Общество и сферы смысла. М., 1991.
15. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб., 2000.
16. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. М., 2002.
17. Рябов А. Новый русский феодализм // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/column/ryabov/3358748.shtml> (Дата обращения 22.07.12).

С.К. Лямин

S.K. Lyamin

Методологические проблемы изучения и моделирования исторических ментальностей

Methodological problems of studying and modeling the historical mentalities

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Россия на пути исторического транзита: политические, социокультурные, психоментальные аспекты (вторая половина XIX – первая половина XX вв.)» (государственное задание высшим учебным заведениям, шифр проекта: 6.2800.2011). Исследование выполнено также при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 12-06-31111 мол_а.

Аннотация, abstract: Статья посвящена проблемам изучения и моделирования исторических ментальностей. В центре внимания автора – исследование методологических подходов, используемых социально-исторической антропологией и исторической психологией в изучении миропредставления и социального поведения человека.

The article is devoted to exploring and modeling of historical mentalities. The focus of articles - study of the methodological approaches used by social and historical anthropology, historical psychology in the study of perceptions and human social behavior.

Автор, author: Лямин С.К. – Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук, доцент кафедры Российской истории, laomin@mail.ru

Lyamin, S.K. – Tambov State University, PhD in History, Associate Professor of the Russian History Department, laomin@mail.ru

Ключевые слова, keywords: менталитет, социально-историческая антропология, историческая психология, фракталы

mentality, social and historical anthropology, historical psychology, fractals

УДК 930.2

Человек – автономный индивид или «ансамбль социальных ролей»?

В последние десятилетия, в условиях смены научных приоритетов в области исторических исследований, на первый план выдвигается изучение проблем, касающихся не только объективных социально-экономических и политических процессов, но и проблем,